

УДК 130.3

А.Г.Некита

ДИАЛЕКТИКА «ОФИЦИАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОГО» В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛИЗИРОВАННОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Гуманитарный институт НовГУ

In article process of replacement of vital values of the individual in parameters of his social status is analyzed. It appears the basic criterion of civilization and the unique form of social evolution of the unconscious person.

Стратегический, социально значимый процесс *экономического распределения* как основной, стратифицирующий социальность, этап товарного цикла адекватен официально установленной и пропагандистски-сакрализованной номенклатуре социальных привилегий, фактически обозначающих и атрибутирующих модус социальной коммуникации индивида. В условиях тотальной власти товарно-производственных условностей, когда жестко конкурирующий с социальностью человек имеет шанс осуществиться только в форме продажи, реализовав себя как всего лишь один из товаров, на всем протяжении биологически определенного периода социального пребывания практически никто из социальных индивидов рефлексивно не отваживается рисковать даже малой частью своих, в большинстве случаев уже теневого, аппаратно перераспределенных социальных привилегий.

Именно так превращенная социальная наследственность детерминирует поколенческий социальный статус, а посредством этого и спектр неустранимых биотических реминисценций социального индивида, прикрывающегося наработываемым активистски-статичным имиджем своего, альтернативного многообразию содержаний Жизни, формального пребывания. Перманентно воспроизводимая жизненная слепота социального индивида обусловлена в том числе и его предельным отождествлением с моделью социально-очащенного мира, деструктурирующим индивидуально воспринимаемое Время Жизни, замещающая его размерность слепком кадрированного пребывания в социально срежиссированном и институционально смонтированном хаосе частных. По мысли французского просветителя Н.Шамфора, если бы институциональные апостолы товарной цивилизации могли «собрать воедино все наслаждения, чувства и мысли, на которые пока что уходит целая жизнь, и вместить их в одни сутки, сделали бы, вероятно, и

это» [1]. Именно социально-превращенная, веками отчуждаемая наследственность определяет номенклатуру параметров статуса атомизированного во времени социального индивида, который, метастазируя модусом своего бессознательного, массового пребывания извечные поколенческие традиции маевтики сознания, социально оформляется в добровольного пленника настоящего, отрекшегося от прошлого и чужающегося будущего.

Онтологически альтернативный Личности, для которой каждый день Жизни являет саму Жизнь, а не подготовку к ней, путем товарной реализации формально-отвлеченных социальных предпосылок социальный индивид, «существование» которого в форме социального пребывания несущественно, с бессознательной легкостью отоваривает свое исконное архетипическое предназначение быть Синархом Времен и в силу этого *становиться цивилизованным*, но не *образовывается культурно*. Апории отчужденного социального пребывания в подлинно зеноновском смысле отражают бессознательное превращение меры цельности мира, выражающееся в победоносной социализации исконной архетипической онтологической Гармонии посредством ее институциональной дезинтеграции, которую официальная, пропагандистская апоретика номинирует в статусе основного завоевания цивилизации. Официально оформленный релятивизм социальных дискретностей фиксирует абсолютную атомизацию социальных индивидов, не замечающих социальное окружение, естественную среду своего пребывания и самих себя в безостановочном потоке социального синкретизма.

Релятивизм онтологических, пространственно-временных измерений пребывания социального индивида надежно подкреплен и его моральной аморфностью. В этой связи социальный индивид не может *быть* злым или добрым, так как он руководствуется

нормативно определенной номенклатурой социально приемлемых моральных признаков, неадекватность которой гарантированно провоцирует *формально нормализующее* применение гипостазирующих социальных санкций. В итоге социальный индивид как *нечто* институционально *о-при-деленное* (т.е. «при деле»), возможен лишь «независимо от сознания, по законам поведения масс» [2], как официальное приложение к основным производственным фондам, однозначно реагирующее на властные раздражители и индикаторы их функционирования. Итак, поскольку нравственные добродетели в условиях отчужденной товарной социальности пребывают исключительно в виде *форм морального* как *социального поведения*, бессмысленно искать в социальном индивиде, невинно обреченном на бессрочную серость и глупость дарованным ему властью статусом абстрактной *социальной позиции*, какие бы то ни было качества реального человека.

Таким образом, «*жизненная эволюция*» социального индивида фактически *представляет бессознательную имитацию бытия* — предельно универсализованное, нейтральное социальное состояние, для которого вполне достаточен «социальный индивид», абстрактный человек, с усредненными профессиональными способностями и типизированным уровнем лояльно-мимикрирующей социализации, еще не окончательно девитализированная производственная функция и потенциальная возможность чего угодно, к которой, по мнению О.Тоффлера, в полной мере применимо определение «винтика» или «модульного человека» [3].

Социальным индивидам чуждо сознание, а единственным показателем уровня их социально-информационной оснащенности выступает лишь институционально индексированный, оппозиционный опыту о-своения Жизни, персонализированный интеллект, институционально привязанный и патронированный идеологией в значении «идологии» — конгломератом имажинативных, пропагандистски адаптированных формулировок. В подобных условиях любое Личностное развитие предстает очастненным, девиантным, анти-социальным актом, вызывающим на обыденном уровне спектр реакций от искреннего недоумения до раздраженного неприятия и даже открытой враждебности, а на официальном — пароксизмы административного равнодушия и плохо скрываемые упреки во всегдашней неуместности, оформляющиеся посредством процедуры делопроизводства в инстанциях во властную реакцию в виде принятия мер, впредь пресекающих индивидуальные покушения на незыблемость институционального пребывания. Имманентно враждебная творчеству социальность допускает его лишь в крайнем случае — по недосмотру или в силу невозможности задушить. И чем исключительнее личность, в которой нуждается общество, тем более ожесточенную борьбу с социальностью, институционально поработившей это общество, она должна выдержать, являя людям свою культуротворческую, индивидуационную миссию.

Социальные индивиды, в массе своей лишь *представляющие* официальную номенклатуру соци-

альных функций от конечного числа признаков, без каких бы то ни было примесей человечности, выступают промежуточной формой институционального, цивилизованного оприходования человека, аппаратная модернизация которой вполне может спровоцировать полный биржевой крах нынешней излишне «гуманной» и потому экономически несостоятельной стратегии «производственного экзистирования». Таким образом, социальность, демонстративно институционально не дифференцирующая феноменологию мира человека, заметно «*оживляется*» в случаях, когда ей так или иначе удается официально атрибутировать его в социальных частностях уже в *статусе клиента, пациента, избирателя, потребителя, пробанта, физического лица, фигуранта*, как элементарной частности *населения, контингента, электората*, вновь и вновь подтверждая имидж арены исключительно социальных, а не личных, нисходящих в трагедии драм.

Вообще, эскалация институализации товарного отчуждения в социальной превращенности представлена *оформлением* и усугублением оппозиционности *официального* и *социального*. Причем *официальное* выступает исторической *формой* институционального признания значимости *социальности*, институциональной маской *социального*. С момента *оформления официальности* выступает системным антиподом *социальности*, вырастающим, однако, на ее основе и неразрывно связанным с ней. Официальность не тождественна государству, которое фактически обосновывает, организует и представляет опосредованное правом, моралью, идеологией и т. п. пребывание социальных индивидов. В то же время ограничение экспансии социальных законов происходит как в форме препятствующей тотальности их власти *анти-социальности*, так и в форме *антиофициальности*, отрицающей номинальное право *официального* на монопольное представление *социального*. Функции антисоциального и антиофициального могут отправляться в любых сферах и на любых уровнях социального пребывания, выступающих институциональными реликтами, допускающими возможность своей формальной реинкарнации за счет *маргинальных форм* эксплуатации потенциала *штатной содержательности*. Таким образом, экстремумы превращенных социальных функций социального индивида представлены: в сфере *социального* — утилитарно *оформленным* цивилизованным аморализмом, выступающим неофициальной альтернативой *явной анти-социальности* нравственного сознания; в сфере *официального* — разгулом гиперформализованного бюрократизма как эталона системной трансформации априорно *антиофициальной* преступности из романтики частного, индивидуализированного разбоя в институализированную прагматику нелегального, «теневоего» бизнеса.

Социально индивид соответствует, в полной или не в полной мере, нормам социального пребывания, *официально* — индивид тождественен им; *анти-социально* индивид нравственно возвышается, в крайнем случае — всегда, над нормами социального пребывания, *антиофициально* индивид *преступает*

оформленные в законах нормы *социального* пребывания. Даже в случаях мнимого совпадения социального и официального можно найти оттенки различия. Например, формальным признаком *социального* следует считать тенденцию к полной зависимости индивидов от социальных групп, в которые они входят, а институциональным признаком *официального* — тенденцию к полному контролю над индивидами не только со стороны социальных групп, в которые они входят, но и власти как таковой.

Таким образом, основной парадокс *имагостазирующей* оппозиции *социального* и *официального* — фатальная бессознательная тяга к их соответствию и перспективному отождествлению, одним из примеров которой может служить принцип адекватности группы *социальных* индивидов ее *официальному* руководству. Со стороны *социального*, совокупный интеллектуальный потенциал группы как минимум равен или превышает уровень интеллекта начальника, с другой стороны, *официально* начальник не имеет права быть глупее группы подчиненных. Однако поскольку нормой пребывания превращенной формализации социальности выступает принудительное, уравнивающее означивание *официального* и *социального*, постольку процесс необратимого снижения интеллектуального потенциала группы вплоть до полного оглушения выглядит абсолютно легитимным. Официальное изгнание нравственных ориентиров обуславливает возможность пропагандистского размывания критериев оценки теневого социального пребывания, негативные признаки которого уже не означаются как недостатки процессов оприходования мира, а конституируются в статусе *обращенной*, официально санкционированной *моральной нормы*, регулирующей равноудаленное от всех возможных качеств и свойств реальности пребывание социального индивида.

Перекроенные в соответствии с подобным *официально* утвержденным проектом социальные индивиды *массово* исходят в *подчиненных* и *подданных*. Превращенное институционализациями понятие «гражданин» конституируется в статусе официального обозначения какого угодно лояльного власти социального индивида, в связи с чем любая подлинная личность, стремящаяся уклониться от властного вершения людских судеб в приступах гражданского мужества и социальной ответственности, может быть официально квалифицирована как антигражданственная. Для государства как господствующей формы институционального пребывания социальности вполне достаточно наличия населения, для которого sporadическое отправление гражданского долга выступает исключительно значимой государственной повинностью, а главными, официально утвержденными социальными профессиями становятся гражданство и национальность, любые нравственные поиски творчески осваивающей мир Личности признаются властью несущественными. Таким образом, чтобы конституироваться в статусе полноправного социального индивида — Гражданина, человеку *достаточно* влиться в социальный контекст, а чтобы стать Личностью, — *необходимо противопоставить* себя ему.

Большинство людей, *не задумываясь*, выбирают карьеру Гражданина, и лишь немногие взваливают на себя бремя сознательной ответственности Личности, в то время как официальная система адаптирующей социализации формирует тип социального индивида, не способного к творчеству свободной Жизни, а *вышколенного* именно *пребывать*, детерминируя этим процессы дефеноменологизации общества к форме социальности.

Итак, прогрессирующая диффузия *социального* и *официального* институционально укрепляет организационный имидж социального в актах их отождествления. Именно доля государства в уставном капитале социализации индивида, в основном представленная лишь формальными *возможностями*, провоцирующими кампании вложений частных средств, во многом и предопределяет его будущее место в социальной иерархии. С другой стороны, укреплению приоритета *официального* над *социальным* потворствует активизация практики государственной протекции приобретения по предоплате либо в расрочку престижных позиций в социальной иерархии, предоставляющих адекватные объемам *частного* кредитования социальные *возможности*, усугубляющие *социальное расслоение* — фон *имагинативного дифференцированного оттенения* *социальной значимости товарно-официальных статусов*. Таким образом, именно *официозное* патронирование пребывания социального индивида выступает основным средством укрепления *социальности официально-стью* в форме государства.

Гипертрофированная типичность обывателя, который сам не знает, кто он и что из себя представляет, наиболее адекватно проинтерпретирована превращенной социальностью в поточно производимом и публично презентуемом ею бессознательном имаго социального индивида — всего лишь голой форме для дежурной социальной функции, пустышке, не содержащей ничего личного. Его единственной реальной *содержательной* характеристикой может быть исключительно *индивидуальность* — выхолощенная институализированной социальностью суть индивида, от которого в результате систематических низводящих формализаций его содержаний остается лишь внешняя оболочка, *сформированная* его социальными значимыми параметрами.

Однако подлинный смысл человеческого бытия отнюдь не исчерпывается количеством и даже качеством социального пайка. И индивид, добровольно ставший на путь иерархизированного институционального угнетения и редуцирования своей сущности до номенклатуры социальных функций, — отправление которых расценивается как безусловное благо, как пожизненный долг по отношению к представленной государством социальности, — даже не догадываясь и не желая этого, сам активно помогает его торить. В ситуации, когда его кумирами становятся внешний авторитет и абстракции больших чисел, он не оставляет в себе ничего, за что мог бы бороться, опираясь на стержень нравственного закона, за что стоило бы нести сознательную, личностную ответственность. Таким образом, идея «социального парт-

нерства» человека и государства, базирующаяся на бессознательной коллективности и институциональном патернализме, представляет как наиболее простой, доступный выход, так и скрытую ловушку для духовно нищих масс, которые, проходя процедуру обезличивания, превращаются в толпы унификумов. Но как сложение великого множества нулей никогда не сможет дать даже единицы, так и мнимая, притворная ценность социальности может быть адекватной лишь текущему курсу биржевых котировок по минимуму, усредненному духовному и моральному уровню ее членов. Поэтому было бы огромным заблуждением ожидать от коллектива чего-то такого, что превышало бы этот потенциал, надеяться на действительный духовный прогресс его участников. Последний может быть лишь результатом непосредственного общения людей, но никак не итогом массовых мероприятий под лозунгами любых цветов и оттенков, сопровождающихся групповым пением гимнов или же цитированием разнообразных авторите-

тов. Оценивая многовековую историю функционального оперирования социальности индивидом, можно утверждать, что это есть эгоистическая, меркантильная, грубая, отвратительная игра социума при посредническом участии его институтов на примитивной неразвитости и бессознательной наивности организационно подданных ему людей. Отвечая именно подобным образом на их воплощенные в бессознательных проекциях чувства, патронированная государством социальность провоцирует перманентную эскалацию новых и новых витков бессознательного институционального отчуждения, все более вовлекая социальных индивидов в безобразный порочный круг формальной превращенности.

1. Афоризмы. Минск: Литература, 1998. С.74.
2. Зиновьев А. Зияющие высоты. М.: Независимое изд-во ПИК, 1990. К.1. С.218.
3. Тоффлер О. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. С.111.